

УДК 81

«ВОЙНА» И «МИР» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2018 г.

Е.А. Голубенко

3-й Центральный научно-исследовательский институт
Министерства обороны Российской Федерации, Бронницы

selenagol@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.10.2017

Проводится этимологический анализ бинарных оппозиций лингвокультурных концептов «война» и «мир» в лексико-семантической системе русского языка. Раскрываются происхождение, история развития и особенности вербализации данных концептов в русской языковой картине мира на примере летописей XI–XVII веков.

Ключевые слова: этимология, лингвокультурология, языковая картина мира, лингвокультурный концепт, бинарная оппозиция, лексико-семантическая система, привативный тип, ключевая лексема.

Под влиянием культурных и языковых особенностей наши ментальные представления могут различаться. В определенной культуре и в определенном языке концентрируется исторический опыт носителей, и ментальные представления этих носителей могут отличаться от представлений носителей другой культуры и языка.

Вместе с тем исследования взаимосвязи культуры (определяемой условиями жизни) и языка подчеркивают, что различные языковые картины мира – это равновесие универсального и специфического.

Изучение языковой картины мира проводится в разных направлениях, но среди множества представленных лингвистических методов и анализов существует очевидный пробел – отсутствие изучения диахронического аспекта языковой картины мира, т. е. в ходе её исторической эволюции. С одной стороны, необходимо признать неоспоримую ценность всех современных лингвистических исследований, направленных на решение вопроса, как социум воспринимает окружающий мир посредством языка. С другой стороны, до сих пор не найден ответ на вопрос, почему именно так его воспринимает человек. В этом и заключается необходимость проведения диахронического исследования. Нельзя не согласиться с Е.С. Кубряковой, утверждавшей, что «язык – это окно в духовный мир человека, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов» [1, с. 9]. Можно добавить, что любой язык обладает способностью влиять на формирование и развитие культуры. Она в свою очередь раскрывает его специфику, поскольку язык и культура взаимосвязаны: язык – основная форма отражения культуры, в свою очередь, культура – ре-

альность, воспринимаемая человеком и выражаемая посредством различных языковых средств, т. е. языковой картины мира, одним из главных компонентов которой служит концепт.

Главной особенностью человеческого мышления признана способность дихотомически структурировать мир. В нашем сознании реальность представляется в форме противоположностей или оппозиций концептов: «добро» и «зло», «жизнь» и «смерть», «хорошее» и «плохое», «день» и «ночь», «свет» и «мрак», «любовь» и «ненависть». Иными словами, сознание складывается из прямо противоположных элементов – оппозиций концептов, существующих в реальной жизни. Единство всех оппозиций формирует языковую картину мира, которая в свою очередь вербализует концепты в виде дихотомических пар в языке. Так, «добро» – это благо, нечто должное, а «зло» – отрицание и вред этому благу. «Жизнь» – безусловная данность сознания и бытия, а «смерть» – конец существования бытия. «Свет» – символ сознания человека, сущность его жизни, а «мрак» – угасание сознания и жизни.

Значения бинарной оппозиции лингвокультурных концептов «война» и «мир» в современном русском языке не коррелируют с данной схемой. Ключевая лексема лингвокультурного концепта «война» – это имя отрицательного элемента оппозиции, имеющего собственный семантический признак: война – это вооруженная борьба между государствами. В то же время ключевая лексема лингвокультурного концепта «мир», обозначающая имя положительного элемента в данной дихотомии, не обладает самостоятельным смысловым признаком и определяется через отрицание: мир – это отсутствие войны. Для объяснения данного феномена не-

обходимо обратиться к этимологии лингвокультурных концептов «война» и «мир» в русском языке.

Ю.С. Степанов отмечал, что понимание «мира» в эпоху Древней Руси было еще далеко от современной дипломатической интерпретации «мира» – отсутствия или прекращения войны [2, с. 96]. Прежде всего, необходимо определить, какой смысл вкладывали в понятие «мир» люди в Древней Руси. Анализ этимологических и историко-этимологических словарей доказывает [3–5], что «мир» считался одной из форм соглашения. Конечно, такой тип соглашения для нас незнаком и далек от того смысла, который мы привыкли в него вкладывать – в качестве официального соглашения или договора. Ценились идеи единства и братства, а также отношения участия, которые и определяли мифологическое восприятие мира при условии неразрывности представлений о нем. «Мир» означал ‘соглашение, священные обязанности’ и одновременно ‘коллектив людей, пришедших к соглашению’.

Формирование древнерусской государственности привело к интеграции и формальному усложнению социальных отношений. По этой причине на протяжении всего периода существования Древнерусского государства идеи о мире как о коллективе людей и как о соглашении перечислялись через соединительный союз «и» [2, с. 95].

Второй элемент бинарной оппозиции в рамках нашего исследования – лингвокультурный концепт «война», ключевая лексема которого произошла от древнего корня *вой* со значением ‘относящийся к войску, воинам, к войне’. На ранних этапах истории любые свойства и качества воспринимались в неразрывном единстве с их носителями. Более того, свойства и их носитель были не просто тесно связаны, а были идентичны друг другу. В представлении древних людей *воина* – это не только один из признаков или качеств людей, проходивших военную службу, а собственно служилые люди. Древний смысл данного концепта отражен в таком словосочетании, как *итти воиною* (‘вести войну’), в котором, с одной стороны, содержится идея о группе людей, объединенных одним качеством «воинственность», а с другой стороны, *итти воиною* означает ‘идти для исполнения или совершения военных действий’ [6, с. 310].

Результаты этимологических исследований показали, что отсутствие в системе бинарных оппозиций древнеславянского языка оппозиции «война» – «мир» – это доказательство архаического мышления: первоначальные значения ключевых лексем данных концептов были неотделимы от представлений о реальной действительности в целом и скорее их дополняли,

нежели исключали. «Мир» воспринимался как способ объединения людей и одновременно результат такого объединения. А «война», как функциональный признак, был свойственен только *вой* (т.е. армии) [7, с. 52].

В контексте дальнейшего развития отношений в бинарной оппозиции лингвокультурных концептов «война» и «мир» Ф.П. Сороколетов обратил внимание на то, что в XIV веке в древнерусском языке существовало слово *немиръ* (не-мир) – синоним слову *воина* (война) [8, с. 319]. В противовес этому утверждению мы выдвигаем иное положение: в XIV веке *воина* (война) и *немиръ* (не-мир) не были еще синонимами. Слово *воина* (война) было по-прежнему тесно связано с образом служилых людей и их поступками, что ярко проявлялось в языке того времени. Так, словосочетания *ити, выходити воиною* (‘вести войну, проводить войну’) были наиболее типичными для реализации значения слова *воина* (война), что не характерно для *немиръ* (не-мир) [8, с. 318]. Для нас более важен сам факт существования слова *немиръ* (не-мир), как члена оппозиции *миръ* (мир) – *немиръ* (не-мир), поскольку он позволяет сделать ряд важных выводов о появлении данного концепта:

1. С XIV века идея «мир – это договор», в качестве принципа объединения людей, воспринималась отдельно от идеи «мир – это коллектив или пространство, занимаемое им» и постепенно в Средние века расширяла свои границы. В результате развития «пространственной» концепции у ключевой лексемы лингвокультурного концепта «мир» появилось новое значение «мир – это Вселенная».

2. Существование оппозиции *миръ* (мир) – *немиръ* (не-мир) свидетельствует о формировании в системе средневекового мировоззрения отдельной категории, означающей «общественные взаимоотношения» и «взаимодействия социальных субъектов».

Очевидно, что с учетом средневекового мировоззрения процессы деривации концепта «мир» в качестве соглашения и развития оппозиции *миръ* (мир) – *немиръ* (не-мир) позволяют выявить прямую связь с культурно-историческими процессами преобразования и отчуждения общественных отношений, возникших на общем фоне становления Древнерусского государства. Конечно, в то время «мир» ещё не являлся абстрактным концептом, но уже существовала идея социальных отношений, поддерживаемых соглашением, отдельная от принципа объединения группы людей. «Мир» означал «жить вместе на основе общих правил и в соответствии с принятым соглашением». Что касается смысло-

вого содержания понятия «не-мир», его следует толковать согласно христианской модели мировоззрения, господствующей в XIV веке в Древней Руси. «Оппозиция, или противопоставление, предполагает не только признаки, которыми члены оппозиции (фонемы, морфемы, слова, предложения, конструкции, модели, – любые анализируемые методом оппозиций единицы) различаются, но и общие для противочленов признаки – основание для сравнения» [9, с. 75]. Русский средневековый человек понимал «не-мир» сообразно Библии: «Кто не со мною, тот против меня» [10]; «отдельно» и «не вместе» подразумевали борьбу и разрушение. Такое понимание *немиръ* (не-мир) создало условия для последующей синонимичности «*немиръ*» и «*воина*». Это значит, что бинарная оппозиция «война» – «мир» возникла в результате формирования общих принципов развития мышления, где форма отрицания представляет собой необходимое промежуточное звено в эволюции мировоззрения народа.

То же самое происходит в онтогенезе, в процессе перехода от мифологического сознания, которое, по сути дела, «равнодушно» к существованию контрастов (в мифе свет легко становится мраком, мужчина может стать женщиной и т.д.), к дискретному, логико-концептуальному пониманию мира. С этой точки зрения существование промежуточного звена *миръ* (мир) – *немиръ* (не-мир) может рассматриваться как необходимое условие для дальнейшего формирования бинарной оппозиции лингвокультурных концептов «война» и «мир».

По историческим меркам цивилизации в мировоззрении, присущем для периода XVI–XVII вв., «война» и «мир» предстают однородными смысловыми формациями, что подтверждается сходством лексической сочетаемости слов «война» и «мир» в текстах той эпохи: «*отче, измяти войну сю, приими мя в любовь [мир] собе*» [11, с. 51]; «*то есть было прежде дед наших и при отцах наших: мир стоит до рати [войны], а рать до мира*» [12, с. 364].

А также употреблением слов, выражающих концепты «война» и «мир» в антонимичных контекстах: «*хочю пойти на нь, и то хочю управити любо миром, любо ратью*» [*войной*] [12, с. 367]; «*како на нь пойти: а любо с ним мир възмем пакы ли с ним ратью кончаимы*» [12, с. 370].

Особенности вербализации лингвокультурных концептов «война» и «мир» также можно продемонстрировать на примерах из текстов XVI – начала XVII в. Отличительной особенностью русского языкового сознания в эпоху позднего Средневековья считается аналитиче-

ское представление синонимичной контекстной связи:

1) мир – это любовь: «*Мы послани от Олега на удержание от многих лет между христианы и Русью бывиую любовь*» [12, с. 24];

2) мир – это покой: «*устави варягам дань даяти от Новагорода мира дея*» [13, с. 151];

3) мир – это договор: «*...и от тех заповедано обновити ветъхый мир, ненавидящего добра и враждолюбца дьявола разоренный от много лет*» [12, с. 148].

Ключевая лексема концепта «война», в свою очередь, может быть истолкована следующим образом: «*Егда же приближишия, и очютишия стражие, князь же Александръ опльчися, и поидоша противу себе и покришиа озеро Чюдское обои от множества вой...Бе же тогда субота,...въсходящую солнцю, и съступишиа обои: и бысть сеча зла и троусь от копии ломления*» [14, с. 159].

«Синонимичность» каждого отдельно взятого слова в данных примерах относительна, поскольку эти слова-синонимы имеют значение лишь постольку, поскольку они служат средством выражения и актуализации одного из оттенков значений концептов «война» и «мир» только во фрагментах летописей.

Часть семантических компонентов, составляющих концепт «война», являются негативными формами компонентов, образующих концепт «мир» ('дружба' – 'недружба', 'любовь' – 'нелюбовь', 'добро' – 'недобро'). Иными словами, определение содержания концепта «война» через отрицание признаков, составляющих содержание концепта «мир», демонстрирует пример взаимно исключающих видов социальных взаимоотношений и взаимодействий.

Наряду с идеей «мир – это взаимоотношения и взаимодействие», в текстах эпохи позднего Средневековья также можно обнаружить иное понимание концепта «мир»: «*я, брате, не лиха хотя тебе бороню не ходити, но хотя ти добра и тишины земли Русские*» [12, с. 500]; «*и усла усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли*» [15, с. 100].

В данном случае концепту «война» противопоставляется не традиционный «мир», а «тишина и покой», т.е. 'отсутствие противодействия'. Такое понимание «мира» – это новая тенденция, характерная для XVII века. Впервые понятия «тишина и покой» в контексте о «мире» появилось в текстах при правлении Бориса Годунова [16, с.17].

Таким образом, наряду с другими исторически обусловленными антонимическими парами оппозиция привативного типа «война» – «мир» обладает собственными признаками – 'проти-

водействие' и 'взаимодействие' соответственно. При этом «мир» исключает признаки концепта «война», но не противопоставляет ему собственные ('противодействие' – 'отсутствие противодействия').

В дальнейшем оппозиция такого типа легла в основу современных представлений о «войне» и «мире», где «мир» – это отсутствие войны. Видимо, объяснение лежит вне языка, а именно в исторических, культурных и социально-экономических изменениях основ жизнедеятельности, которые определены различным соотношением между состоянием войны и состоянием мира в различные эпохи.

Известно, что с древнейших времен война была неизбежным условием существования человека. Это не могло быть иначе в случае с экстенсивным развитием социальных отношений, когда средства к существованию могли быть получены только путем захвата чужих территорий. Война считалась нормальным состоянием, а мир воспринимался «как случайное, временное решение почти постоянных конфликтов между городами или государствами» [17, с. 240].

В связи с развитием производства изменились и социальные приоритеты. Территориальный фактор потерял значение, так как куда важнее стали новые пути развития производственных отношений, их функционирования и свободного обмена товарами. Мир становится необходимым условием жизни общества. Война рассматривается как отклонение от «нормы».

В результате, когда мир воспринимается как нормальное, обычное и даже рядовое состояние социума, историческое содержание концепта «мир» как состояние «тишины и покоя» теряет свое значение в качестве определяющего признака мирного состояния. Для современного языкового сознания русского человека «мир» – это, прежде всего, 'отсутствие войны', хотя на дипломатическом уровне понятие «мир» до сих пор содержит в себе признаки средневекового толкования ('дипломатические соглашения', 'договоры' и т. д.) [18, с. 462, 493].

Мало что изменилось в отношении боевых действий и перемирия, начиная с самых ранних периодов истории человечества, за исключением, возможно, нашего отношения к ним. Несмотря на то что война существует с тех пор, как появились люди, сегодня мы осуждаем все проявления жестокости и боремся с ними. В прошлом война расценивалась как факт повсе-

дневной жизни – как болезнь или смерть. Никто не сомневался в силе и намерениях более сильного соседа. Тем не менее мир всегда рассматривался как нечто весьма желательное, а война – как величайшее несчастье.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 838 с.
3. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1284 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. 560 с.
6. Бархударов С.Г. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. В – Волога. М.: Наука, 1975. 319 с.
7. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1896. 558 с.
8. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л.: Наука, 1970. 384 с.
9. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. Логическая классификация смыслоразличительных оппозиций. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 372 с.
10. Новый Завет. Евангелие от Матфея. Глава 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/12/> (дата обращения: 22.09.2017).
11. Шапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1974. Т. 28. 428 с.
12. Шахматов А.А. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. СПб.: тип. Императорской АН, 1908. Т. 2. 638 с.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря русского языка. СПб.: тип. Императорской АН, 1893. Т. II. 919 с.
14. Псковские летописи: Вып. второй / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 365 с.
15. Повесть временных лет. Ч. 1 / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 554 с.
16. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
17. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
18. Громыко А.А. Дипломатический словарь. Т. I. А-И. М.: Политиздат, 1971. 612 с.

«WAR» AND «PEACE» IN THE MEDIEVAL RUSSIAN LANGUAGE WORLD VIEW

E.A. Golubenko

The article provides an etymological analysis of binary oppositions of the «war» and «peace» concepts in the lexico-semantic system of the Russian language. The origins, historical development in the language world picture and some peculiarities of the concepts verbalization in the Russian language are revealed using the examples from the chronicles of the 11th–17th centuries.

Keywords: etymology, cultural linguistics, language world view, linguocultural concept, binary opposition, lexico-semantic system, privative type, key lexeme.

References

1. Kubryakova E.S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2004. № 1. S. 6–17.
2. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 838 s.
3. Preobrazhenskij A.G. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1958. 1284 s.
4. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Progress, 1964. T. 1. 562 s.
5. Chernyh P.Ya. Istoriko-ehimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1999. 560 s.
6. Barhudarov S.G. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 2. V – Vologa. M.: Nauka, 1975. 319 s.
7. Goryaev N.V. Sravnitel'nyj ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Tiflis: Tipografiya kancelyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze, 1896. 558 s.
8. Sorokoletov F.P. Istorija voennoj leksiki v russkom yazyke XI–XVII vv. L.: Nauka, 1970. 384 s.
9. Trubeckoj N.S. Osnovy fonologii. Logicheskaya klassifikaciya smyslorazlichitel'nyh oppozicij. M.: Izd-vo inostr. lit., 1960. 372 s.
10. Novyj Zavet. Evangelie ot Matfeya. Glava 12 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.patriarhia.ru/bible/mf/12/> (data obrashcheniya: 22.09.2017).
11. Shchapov Ya. N. Pohvala knyazyu Rostislavu Mstislavichu kak pamyatnik literatury Smolenska XII v. // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. L.: Nauka. Leningr. otd., 1974. T. 28. 428 s.
12. Shahmatov A.A. Polnoe sobranie russkih letopisej. Ipat'evskaya letopis'. SPb.: tip. Imperatorskoj AN, 1908. T.2. 638 s.
13. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya russkogo yazyka. SPb.: tip. Imperatorskoj AN, 1893. T. II. 919 s.
14. Pskovskie letopisi: Vyp. vtoroj / Pod red. A.N. Nasonova. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 365 s.
15. Povest' vremennyh let. Ch. 1 / Pod red. V.P. Andrianovoj-Peretc. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. 554 s.
16. Panchenko A.M. O russkoj istorii i kul'ture. SPb.: Azbuka, 2000. 464 s.
17. Benvenist Eh. Slovar' indoevropejskih social'nyh terminov. M.: Progress-Univers, 1995. 456 s.
18. Gromyko A.A. Diplomaticeskij slovar'. T. I. A-I. M.: Politizdat, 1971. 612 s.